

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

СЕДЬМЫЕ ДОРЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БУДДИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Материалы конференции

Улан-Удэ

6–8 июля 2016 года

**Санкт-Петербург
2018**

Жизнь и судьба Агвана Доржиева

Агван Доржиев — выдающийся сын бурятского народа, известный религиозный, общественный и политический деятель, жил в бурную эпоху перемен, на сломе времен. Неоднозначна и сложна его жизнь и судьба, так как он полностью разделил со своей эпохой ее заблуждения и идеалы, взлеты и падения. Деятельность его столь многообразна и энциклопедически обширна, что возникает представление о многоликости этого человека. Он оставил свой след почти во всех сферах общественной жизни: религии, просвещении, политике, культуре, литературе, издательском деле, архитектуре, медицине, музейном деле.

Ключевые слова: Агван Доржиев, Бурятия, религия, буддизм, просвещение, политика, культура, архитектура, медицина, музейное дело, укрепление позиций буддийской церкви в России, строительство буддийского храма в Петербурге, реформаторская деятельность в буддизме, Бурят-Монгольская автономная республика.

Буддизм, одна из мировых религий, история которой насчитывает свыше двух с половиной тысяч лет, проник в Забайкалье из Монголии и Тибета в конце XVII в. Среди бурят распространилась одна из его ветвей — тибето-монгольская традиция, которая в Прибайкалье и Забайкалье впитала в себя элементы шаманства. Л. Я. Штернберг считал, что буддизм «сыграл огромную роль в выработке морального типа бурятского народа», стал фактором объединения бурятских родов и племен, уничтожившим «за короткое время религиозно-родовые перегородки между племенами» и образовавшим в Забайкалье «всепроникающую национальную организацию» [3, с. 612].

Одной из ключевых фигур в бурятском буддизме конца XIX – начала XX в. был Агван Доржиев, который родился в 1854 г. и, девятнадцатилетним юношей покинув родную Бурятию, отправился в Тибет постигать глубины буддийской мудрости. Благодаря своим способностям он достиг высшей ученой степени в буддийской философии — цанид-лхарамба, после чего стал одним из учителей Далай-ламы — высшего иерарха тибетского буддизма. Позже он был назначен его полномочным дипломатическим представителем в контактах с Россией и в этом качестве внес определенный вклад в развитие международных отношений.

Он также предпринял большие усилия по укреплению позиций буддийской церкви в России. Благодаря его заботам были построены два дацана в Иркутской области: Кырминский и Хойморский. В Калмыкии при его непосредственном участии и под руководством было создано два монастыря-хурула, при одном из которых, в урочище Амта Бургуста Малодербетовского уезда, было открыто буддийское конфессиональное учебное заведение — Цаннид-чойра.

Выдающимся его свершением является строительство буддийского храма в Петербурге. По настоянию Агвана Доржиева, представившего в строительный комитет собственный проект и эскиз архитектурной композиции храма, решено было возвести его в традиционном тибетском стиле — наиболее оригинальном и монументальном в буддийской архитектуре [1, с. 9]. В обсуждении вопросов художественного оформления дацана принимал участие известный художник Н. К. Рерих, витражи по эскизам которого сохранились до настоящего времени. Храм давал ученым уникальную возможность изучать традицию буддизма с помощью ее живых носителей — буддийских лам.

После Октябрьской революции Агван Доржиев возглавил реформаторскую деятельность в буддийской общине. Он и его единомышленники решили очистить буддизм от позднейших искажений и привести его практику в соответствие с заветами Будды, изложенными в буддийском каноне — «Виная-питаке», где регламентировались служение и повседневная жизнь буддийских монахов-лам. Ламы в своем большинстве агрессивно отнеслись к этим нововведениям, не желая отказываться от роскошных одеяний и украшений, сладкой пищи и богатых подношений прихожан. Хотя Доржиев и смог увлечь некоторых лам идеями праведной дацанской жизни, эту реформу в итоге осуществить не удалось.

Агван Доржиев, уделяя много внимания существовавшей в дацанах системе обучения, стремился обогатить традиционное буддийское образование достижениями европейской науки, полагая, что ламам необходимо изучать математику, естествознание, астрономию и тому подобные дисциплины. Он утверждал, что знакомство с этими предметами не только не противоречит учению Будды, а, наоборот, подтверждает его, поскольку, как проповедовал Будда, для достижения состояния бодхисаттвы необходимо усвоить многие науки [4, л. 19].

Агван Доржиев проектировал также реорганизацию медицинских школ «мамба» — превращение их в светские школы для мирян и лам с введением преподавания анатомии, физиологии и диагностики болезней по методике европейской научной медицины. Доступ в эти школы должен был быть открыт и для женщин. Непременным условием приема ставилось окончание светской начальной бурятской школы и владение тибетской грамотой. Право медицинской практики в будущем должно было предоставляться только лекарям нового типа. Агван Доржиев заказал в Тибете бесценный список «Атласа тибетской медицины», содержащий 78 цветных таблиц, более 10 тысяч рисунков, выполненных вручную с удивительным мастерством, и подарил его специализированному Ацагатскому мамба-дацану, базировавшемуся на минеральных источниках местности Нарин-Ацагат.

Агван Доржиев принимал активное участие в развитии народного просвещения. Конечно, будучи человеком своего времени, он воспринимал развитие школьного обучения сквозь религиозную призму — но образование традици-

онно имело огромное значение и для самой буддийской религии. В западной исторической науке, к сожалению, этот вопрос исследован в недостаточной степени. В то время как выдающиеся религиозные деятели и философы Европы были известны всему миру, буддийские мыслители и философы были отгорожены от него стеной Гималаев, языковым барьером и идеологическими предубеждениями и поэтому оставались неизвестными за пределами своего культурного ареала.

Бурятские монастыри традиционно вели широкую просветительскую деятельность. Двадцать девять из них имели свои типографии (точнее — печатни), где с деревянных клише вручную ксилографическим способом на тибетском и монгольском языках печатались различные буддийские сочинения для монахов и мирян. Издавались канон и комментарий к нему, биографии известных деятелей буддизма, обрядники, популярные сочинения по вопросам вероучения, азбуки и пособия по грамматике, дидактическая литература, исторические очерки и др. Известно около 1200 печатных изданий, выпущенных типографиями бурятских монастырей, наиболее значительной среди которых была типография Агинского дацана. Именно благодаря деятельности этих печатен наука сейчас располагает существенными данными о теории и практике тибето-монгольской буддийской традиции. Педагогическая деятельность учителей монастырских школ способствовала развитию образования и формированию бурятской интеллигенции.

Во всех дацанах функционировали библиотеки. Если количество книг было небольшим, то они помещались в главном храме монастыря. В больших же дацанах с различными факультетами библиотеки располагались в специальных помещениях в особом храме. Агван Доржиев лично заказал в Тибете изготовление собрания буддийских канонических книг «Ганджур» в 108 томах на тибетском языке, написанных от руки специалистами-каллиграфами с использованием концентраторов из «девяти драгоценностей». Эти книги он подарил библиотеке Ацагатского дацана. После разгрома этого монастыря в 1937 г. книги попали в краеведческий музей, а после войны по ходатайству Центрального духовного управления буддистов были переданы в Иволгинский дацан, открытый в 1946 г. и ставший резиденцией хамбо-ламы — главы буддийской церкви в России.

При дацанах работали типографии-печатни, где печаталась ксилографическим способом обрядовая и учебная литература, т. е. каждый лист вырезался резчиком в зеркальном изображении, и затем его, покрыв краской, тиражировали. Несмотря на трудность изготовления книг таким методом, эта своеобразная техника позволяла создавать большое количество книг. Для мирян издавалась популярная литература на монгольском языке. Бурятские ламы создавали азбуки, монголо-тибетские словари, авторские произведения. Монгольская книга, представлявшая собой стопку несброшюрованных листов, обернутых тканью, не являлась для бурят редкостью.

Новая страница в истории печатания бурятских книг открылась с началом применения наборного шрифта по европейскому образцу. Она также тесно связана с именем Агвана Доржиева. Им был создан новый реформированный алфавит «Вагиндра», начертание букв которого основывалось на уйгуро-монгольском письме [2, с. 189]. В 1906–1908 гг. по заказу Агвана Доржиева были изготовлены печатные литеры для нового бурятского письма и было издано несколько литографических брошюр в монголо-бурятском книжном издательстве «Наран» в Санкт-Петербурге. Эту деятельность продолжила типография Ацагатского дацана.

Неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках Российского государства, раздираемого в тот период классовой борьбой и гражданской войной, толкала политиков в сторону идеи обретения собственной государственности путем объединения всех монголоязычных народов, исповедующих буддизм. Суть этой идеи заключалась в воссоединении Внешней Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы, позволяющее объединить исторический ареал проживания монголов и превратить новую страну в самостоятельное, суверенное государство, независимое от Японии, Китая и России. Это государство должно было придерживаться политики постоянного нейтралитета, как, например, Швейцария.

Эта идея, однако, так и не была реализована. Правда, после съезда народов Востока (1920 г.) Президиум ВЦИК в 1923 г. принял постановление об образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (с 1958 г. — Бурятская АССР). Большую роль в предоставлении Бурятии самоуправления сыграли Агван Доржиев и выдающийся общественно-политический деятель, председатель Бурнацкома, идеолог панмонголизма Э.-Д. Ринчино (1888–1938), которые в составе группы делегатов были приглашены в 1920 г. на совещание в Политбюро с участием В. И. Ленина для обсуждения этого вопроса.

Трудно судить, как именно сложилась бы судьба Агвана Доржиева в другое время и в других условиях. Однако он прожил ту жизнь, которая была ему предначертана судьбой. Он поставил перед собой практически невыполнимые задачи — искоренить эксплуатацию, невежество, алчность, побудить лам придерживаться аскетизма и самоограничения, чтобы они могли стать истинными духовными лидерами бурят как нации. Неудивительно, что Агвану Доржиеву не удалось осуществить это ни в царской, ни в большевистской России. Человек незаурядных способностей и амбиций, он мог бы добиться выдающихся достижений в другое время. Не его вина, что предлагаемые им реформы не смогли осуществиться.

Деятельность Агвана Доржиева как выдающегося просветителя своего народа заслуживает глубокого уважения. Его вклад в развитие культуры и просвещения Бурятии говорит о том, что он был незаурядной личностью ми-

рового масштаба. Имя его обросло легендами, мифами и домыслами, оценки его деятельности многообразны, и, несомненно, последнее слово о значении его наследия будет принадлежать истории.

Исследование жизни и судьбы Агвана Доржиева — это не только дань уважения памяти этого выдающегося человека, но и восстановление подлинной Истории без политических, идеологических и прочих купюр. Вот почему в заключение нашего выступления мы хотим предложить начать работу по сбору и подготовке «Энциклопедии Агвана Доржиева».

Литература

1. Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. — Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992. — 126 с.
2. Дугарова Г. С. О бурятском алфавите Агвана Доржиева // Цыбиковские чтения-5: Тез. докл. и сообщ. / редкол.: Н. В. Абаев, Р. Е. Пубаев, Ш. Б. Чимитдоржиев. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1989. — С. 188–190.
3. Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. — [4], XIII, [1], 821, [3] с.
4. НАРБ. Ф. 643. Д. 7.